

**STUDIA
CULTURAE**

2(36)

2018
SAINT-PETERSBURG

STUDIA CULTURAE

Выпуск 2 (36)

STUDIA CULTURAE TOM 2, № 36, 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	Евгений Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	Александр Колосков (Россия) СПбГУ Лариса Морина (Россия) СПбГУ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ	Юлия Мальцева (Россия) СПбГУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАУЧНОГО СОВЕТА	Борис Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАУЧНОГО СОВЕТА	Дмитрий Прокудин (Россия) СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Райганат Абакарова (Россия); Анатолий Алексеев-Апраксин (Россия); Бартоло Гарильо (Италия); Ральф Беккер (Германия); Олег Борисов (Россия); Александр Величенко (Украина); Серик Джунусбаев (Казахстан); Людмила Клюкина (Россия); Павел Мартысюк (Белоруссия); Леон Миодоньский (Польша); Арто Хаапала (Финляндия).

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Татьяна Акиндинова (Россия); Тициана Андина (Италия); Володимир Бугров (Украина); Юрий Доманский (Россия); Александр Замалеев (Россия); Ян Красицкий (Польша); Игорь Ларионов (Россия); Мария Могилевич (Россия); Никита Ноговицын (Россия); Надежда Орлова (Россия); Артём Радеев (Россия); Андрей Сергеев (Россия); Майя Соболева (Германия); Александр Соловьев (Россия); Эрдэнэцогт Сонинтогос (Монголия); Екатерина Сурова (Россия); Елена Устюгова (Россия).

ISSN печатной версии: 2225–3211

ISSN он–лайн версии: 2310–1245

Информация о журнале размещена на сайте: <http://iculture.spb.ru>

Публикуемые материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в базу данных РИНЦ.

© Studia Culturae, 2018

© Авторы статей, 2018

STUDIA CULTURAE VOLUME 2, № 36, 2018

EDITOR-IN-CHIEF	Evgeny Sokolov (Russia) SPBU
DEPUTY CHIEF EDITOR	Alexander Koloskov (Russia) SPBU
DEPUTY CHIEF EDITOR	Larisa Morina (Russia) SPBU
EDITORIAL ASSISTANT	Julia Maltceva (Russia) SPBU
CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Boris Sokolov (Russia) SPBU
VICE CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Dmitry Prokudin (Russia) SPBU

EDITORIAL BOARD

Rayganat Abakarova (Russia); Anatoly Alekseev–Apraksin (Russia); Bartolo Gariglio (Italy); Ralf Becker (Germany); Oleg Borisov (Russia); Alexander Velichenko (Ukraine); Serik Dzhunusbayev (Kazakhstan); Lyudmila Klyukina (Russia); Pavel Martysyuk (Belarus); Leon Miodonski (Poland); Arto Haapala (Finland).

ADVISORY BOARD

Tatyana Akindinova (Russia); Tiziana Andina (Italy); Volodimir Bugrov (Ukraine); Yury Domansky (Russia); Alexander Zamaleev (Russia); Jan Krasitski (Poland); Igor Larionov (Russia); Maria Mogilevich (Russia); Nikita Nogovitsyn (Russia); Nadezhda Orlova (Russia); Artyom Radeev (Russia); Andrey Sergeyev (Russia); Maya Soboleva (Germany); Alexander Solovyov (Russia); Erdenetsogt Sonintogos (Mongolia); Ekaterina Surova (Russia); Elena Ustyugova (Russia).

ISSN (printing version): 2225–3211

ISSN (online version): 2310–1245

Official site of the journal: <http://iculture.spb.ru>

The published materials undergo procedure of reviewing and expert selection

The journal is indexed by RISC

© Studia Culturae, 2018
© Authors of the issue, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACADEMIA

ЧЖЭН ЮНВАН

ОБ ИДЕЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»

ZHENG YONGWANG

ON THE IDEA OF «THE RUSSIAN IDEA».....7

А.Е. ВЫХОВАНЕЦ

О.К. МИХЕЛЬСОН

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОК-МУЗЫКЕ ИСЛАМСКИХ РЕГИОНОВ

А. Е. VUKHOVANETS

O. K. MIKHELSON

SOCIAL TRANSGRESSION REFLECTION IN THE CONTEMPORARY ROCK MUSIC OF ISLAMIC REGIONS.....19

В.В. ДУДИНЕЦ

Н.А. АРТЁМЕНКО

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА ГЕРМАНИИ В ДИСПУТЕ КАРЛА ЯСПЕРСА И МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

V.V. DUDINETS

N.A. ARTEMENKO

CULTURAL TRAUMA OF GERMANY IN THE DISPUTE OF KARL JASPERS AND MARTIN HEIDEGGER.....32

И.Л. КАЗАКОВА

А.В. СМИРНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ИТАЛИИ В ПРАКТИКАХ МИРОВОГО КИНЕМАТОГРАФА

I.L. KAZAKOVA

A.V. SMIRNOV

TO THE PROBLEM OF THE PERCEPTION OF ITALY IN THE WORLD CINEMATOGRAPHICAL PRACTICES.....45

Л. А. КЛЮКИНА

О. А. ГЕРЧИНА

ИДЕИ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПАЦИФИЗМА З. ФРЕЙДА

L. A. KLYUKINA

O. A. GERCHINA

Z. FREUD'S IDEAS ON RATIONALISTIC PACIFISM.....52

Е. Н. МОТОВНИКОВА

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ ТИПА (И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА) В МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ Н.И.КАРЕЕВА 60

E. N. MOTOVNIKOVA

ON THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF TYPE (AND TYPOLOGICAL METHOD) IN NIKOLAI KAREEV'S METHODOLOGICAL WORKS.....61

Р.Ю. САБАНЧЕЕВ

МАРКБЛОК: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР ИСТОРИКА-МЕДIEВИСТА

R.YU. SABANCHEEV

MARC BLOCH: THE EXISTENTIAL CHOICE OF A MEDIEVAL HISTORIAN.....71

RES

Ю.М. МАЛЬЦЕВА

МОДА КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Y.M. MALTSEVA

FASHION AS A COMMUNICATION TOOL IN THE MODERN URBAN ENVIRONMENT.....81

Л.П. МОРИНА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ВЕЩИ В СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИХ
КОНЦЕПЦИЯХ

L.P. MORINA

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF THINGS IN MODERN CULTURAL AND
PHILOSOPHICAL THEORIES.....89

Б.Г. СОКОЛОВ 98

ПОНЯТЬ ВЕЩЬ: ГЕГЕЛЬ

B.G. SOKOLOV

GRASPING THE OBJECT: HEGEL.....98

SCHOLA

Д.В. КРУТОЛАПОВ

РЕНЕ ГЕНОН КАК ПОСТМОДЕРНИСТ

D.V. KRUTOLAPOV

RENÉ GUÉNON AS A POSTMODERNIST.....112

Ю.И. МИЛЁХИНА

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Y.I. MILEKHINA

PERCEPTION OF SPACE AND TIME IN CULTURE DURING THE MEDIEVAL ERA.....119

VULNUS

Н.А. АРТЁМЕНКО

ВРЕМЯ, ПАМЯТЬ, ТРАВМА: МЕЖДУ БЫТИЕМ И НЕБЫТИЕМ

N.A. ARTEMENKO 125

TIME, MEMORY, TRAUMA: BETWEEN BEING AND NON-BEING.....125

С.Б. НИКОНОВА

СУБЪЕКТ КАК ТРАВМА И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ. ПО МОТИВАМ
ПОВЕСТИ ДЖ.КОНРАДА «СЕРДЦЕ ТЬМЬ»

S.B. NIKONOVA

SUBJECT AS TRAUMA AND AESTHETIC OPPORTUNITIES OF ITS OVERCOMING. ON THE
MOTIVES OF «HEART OF DERKNES» BY J.CONRAD.....138

А.К. НОВИКОВА

ОТ САКРАЛЬНОЙ МУЗЫКИ ДО ОПЕРЫ: ЯЗЫК МОЛЧАНИЯ ИЛИ МОЛЧАНИЕ ЯЗЫКА?

A.K. NOVIKOVA 154

SACRED MUSIC TO OPERA: THE LANGUAGE OF SILENCE, OR THE SILENCE OF LANGUAGE?.....154

Academia

ЧЖЭН ЮНВАН

Университет Хэйлунцзян, Харбин

ОБ ИДЕЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»

Под «русской идеей» обычно понимается русская философия, в которой воплощаются русский национальный характер («русский дух») и русский менталитет. Пользуясь политическим и религиозным дискурсом «Москва – третий Рим», русские мыслители любят подчеркивать, что русский народ является избранным Богом и что поэтому у него особая миссия. Нужно отметить, что такое мнение обнаруживается и в произведениях русских писателей. Несмотря на то, как выражается «русская идея» в разных текстах и дискурсах, мы должны обратить особое внимание на прелогикку «русской идеи», которая имеет тесную связь с платонической идеей, то есть обозначает абстрактный и невидимый объект, созданный богом. Однако когда слово «идея» сочетается с прилагательным «русская», словосочетание «русская идея» обретает универсальный характер. Данная статья посвящается изучению «русской идеи» и в языковом и в философском аспекте. Автор считает, что необходимо определить подлинный смысл дискурса «русская идея» на греческом, китайском и русском языках, и только таким образом мы имеем возможность найти секреты русской души.

Ключевые слова: «русская идея», языковой аспект, кровать бога.

ZHENG YONGWANG

Heilongjiang University, Harbin

ON THE IDEA OF «THE RUSSIAN IDEA»

Research on «the Russian idea» has been done mostly at a philosophical level, because «the Russian idea» was, and remains an expression of Russian national spirit and national will. The Russian thinkers put stress on the fact that the Russian nation is a chosen nation by using such political and religious discourse as «Moscow is the Third Rome», while the Russian litterateurs indicated this attitude between the lines in literary texts. Nonetheless, no matter in what text «the Russian idea» is reflected, it cannot be torn away from the pre-logic related to language, viz, it cannot isolate itself from the Greek philosophical genes which is inherent. When the noun «idea» collocates with the adjective «Russian», what we derive is not a simple phrase but a code name for Russian philosophy. In this case, it is only when we make an in-depth exploration into «the Russian idea» from the perspective of language that can we decode the philosophical connotation of this concept.

Keywords: Russian idea, language dimension, couch of god.

Although «the Russian idea» was first put forward by F. Dostoevsky in his *Writer's Diary* in 1877, it was carried forward by V. Solovyov in a series of remarks on this concept he made from 1887 to 1888. It entered into the field of philosophy and turned into a code word for Russian philosophy when philosophers such as N. Trubetzkoy, V. Rozanov, G. Fedotov, I. Ilyin, S. Frank and N. Berdyaev illuminated such questions as Russian self-consciousness, Russian culture, the destiny of the Russian state and the Christian legacy of the Russian nation. Clearly, «the Russian idea» refers to the concentration of all the spiritual assets of the Russian nation. It is as much a cultural signifier as a generalization of philosophical thinking with a strong national coloring but without a systemization. Besides, «the Russian idea» has been an open-ended system of ideas all the time. Its development and improvement have benefited from not only thinkers and philosophers but also literary giants like Gogol and Dostoevsky. It is just on the basis of the mutual relationship between Russian literature and «the Russian idea» that K. Mochulsky regards Gogol as a thinker and argues that «Gogol...is destined to shift the whole Russian literature from aesthetics to religion and change the avenue of literary research from Pushkin to Dostoevsky and the great Russian literature will become part of the world literature marked by Gogol thereafter» [1, p. 37]. With this background in mind, we can say that philosophical thinking is just a profile of «the Russian idea». The Greek word «idea» has extended its meaning when it entered the Russian cultural context and collocates with the word «Russian». The corollary of this meaning extension is that «the Russian idea» transcends the category of philosophy and steps into the realm of history and culture.

«The Russian idea» can be interpreted as a symbolic concept. In a broad sense, it refers to the sum total of all kinds of representative peculiarities in Russian culture and Russian spirit in the course of history. In a narrow sense, it refers to the level which Russian national self-consciousness reached at a certain period of history. In a still narrower sense (i.e. sociologically speaking), it refers to the manner in which various kinds of old or new elements exist in the development of Russian society, culture and politics. This statement correctly summarizes two features of «the Russian idea»: abstractness, which is philosophy-oriented, and concreteness, which means that «the Russian idea» values the stretch of solid and moist land under the feet of the Russian people. «The Russian idea» is just like a bowl of dense soup made of Russian-specific way of thinking, which is filled with both thought-provoking philosophical discourse and artistic texts that convey ethnological spirit with very perceptual language and lots of religiously mystical elements.

I. The different meanings represented by «the Russian idea»

Not any condensation of consciousness can be called what people usually call «idea». Although consciousness reflects truth to some extent in the course of mirroring things or objects, it is just an instinctive reflection of the objective world while human mind stays awake. Only when consciousness is elevated to a level of spontaneous mental activity and filtered by reason can it turn into an effective reflection of the objective world, which is functionally equal to thinking, spirit and idea. In other words, for consciousness to become «idea» entails a test of time and a processing by reason. A literal analysis of the phrase «the Russian idea» tends to make people think that «idea» is what at least Russian philosophers deem to be an epistemologically essential reflection of the objective world. However, when we trace it back to its Greek etymology, it will be obvious that «the Russian idea» is also tinged with ontology.

Generally speaking, when consciousness is given the label of «idea», it will reflect the idea producer's view of the world in such a way that it is able to answer questions like «what is the world?» and «how do I understand the world?». Only when individual or national collective consciousness mirrors the truth of the world in which it exists and guides people to complete certain actions, can it be termed as «idea» or «thought». As far as the Russian nation is concerned, the national collective consciousness represented by «the Russian idea» in effect refers to «a kind of national self-respect developed by members of a nation when they are conscious of the differences between their nationality and other nationalities. It is one of the most important elements that maintain their national survival and fortify their national cohesion» [2, p. 354]. For instance, in the nineteenth-century tsarist Russia, «the Russian idea» simply referred to the formula of trinity proposed by minister of Education S. Uvarov (1786-1855). In his view, «‘the Russian idea’ is composed of orthodox, despotism and populism» [3, p. 541]. His formula distinguishes Russia from other European countries and helps demonstrate a peculiar way of thinking of the Russian nation.

In addition, Chinese people's understanding of «the Russian idea» is influenced by the Chinese word 思想. In Chinese, 思想 and 意识 are sometimes combined to form the phrase 思想意识, which can be interpreted in two senses. On the one hand, it can be a coordinative phrase with the two parts juxtaposed; on the other hand, it can be a locative phrase with the first part modifying the second part, equal to «mental consciousness». If it is taken as a locative phrase, it means that «consciousness is an organ of attention. Through attention, people can perceive the actual environment and various stimuli outside» [4, p. 128]. In other words, «mental consciousness» refers to a period of time during which human unconsciousness developed into consciousness.

А.Е. ВЫХОВАНЕЦ

*Магистр религиоведения,
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

О.К. МИХЕЛЬСОН

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОК-МУЗЫКЕ ИСЛАМСКИХ РЕГИОНОВ

Данная работа посвящена анализу современной рок-музыки (особенно, жанров heavy metal и black metal) стран с мусульманским большинством. В статье отражена амбивалентность отношения к пению и музыке в исламе, представлены основные богословские позиции по этому поводу. Основываясь на концепции *heavy metal* как *трансгрессивной практики*, предложенной К.Кан-Харрисом, увлечение современной исламской молодежи рок-музыкой рассматривается как отражение социальной трансгрессии исламских регионов. В статье кратко представлена история рок-музыки в исламских странах, рассмотрено творчество конкретных групп в его взаимосвязи с религией, продемонстрировано, что широкое распространение рок-музыки обусловлено ее тесной связью с актуальными проблемами, волнующими современную мусульманскую молодежь. Так, посредством музыки осуществляется попытка преодолеть консерватизм традиционного общества, национальную и религиозную разобщенность, привлечь внимание к вопросам гендерного неравенства, добиться свободы самовыражения, обрести новую идентичность в условиях меняющегося мира.

Ключевые слова: исламская рок-музыка, heavy metal, black metal, социальная трансгрессия, музыка в исламе.

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 17-33-01128

А. Е. VYKHOVANETS

*Master of Religious Studies
St. Petersburg State University*

О. К. MIKHELSON

*PhD in Philosophy, Associate Professor,
St. Petersburg State University*

SOCIAL TRANSGRESSION REFLECTION IN THE CONTEMPORARY ROCK MUSIC OF ISLAMIC REGIONS

The paper treats contemporary rock music (especially genres of heavy metal and black metal) in the countries with Muslim majority. The ambivalence of the attitude to singing and music in Islam is reflected in the paper and the main theological positions on the issue are presented. Methodologically basing on K. Kan-Harris's concept of heavy metal as a transgressive practice, rock music popularity with modern Islamic youth is seen as a reflection of Islamic regions social transgression. The paper briefly presents the history of rock music in Islamic countries, discusses the work of particular groups in its connection to religion, demonstrates that the widespread popularity of rock music in Muslim regions is tightly linked to Muslim youth current problems: through music they try to overcome the conservatism of traditional society, national and religious disunity, to draw attention to gender inequality, to achieve freedom of expression, to find a new identity in the changing world.

Keywords: Islamic rock music, heavy metal, black metal, social transgression, music in Islam.

This work is supported by the Russian Foundation for Basic Research under grant № 17-33-01128

Начиная с 1980-х гг. среди мусульманской молодежи всего мира набирают популярность новые музыкальные жанры, развивающиеся под влиянием западной музыкальной культуры. К таким жанрам относятся *арабский рок*, *исламский хип-хоп*, *таквакор*, *современный нашид* и др. Основное внимание в данной работе сфокусировано на взаимосвязи между ростом рок-движения в странах с исламским большинством и социальными проблемами, волнующими мусульманскую молодежь.

Особенности современной популярной музыки в исламских регионах, популярных в первую очередь среди молодежи, изучались рядом исследователей, однако существующий анализ нельзя считать исчерпывающим. Так музыкальному движению в стиле «heavy metal» в мусульманских странах посвящена работа М.ЛеВина, в которой он разбирает особенности метал-культуры от Марокко до Пакистана [22]. Специфика рок-сцены в Турции представлена П.Хекером [13]. Взаимодействие исламской культуры, общества, традиционной и современной музыки в Индонезии рассматривается в сборнике под редакцией Д.Харниша и А.Расмуссен [12]. Влияние хип-хопа и рэпа на ислам в США, появление такого феномена, как американский исламский хип хоп и его значение на формирование идентичности, в том числе религиозной, поклонников этого жанра, проанализировано, в частности, К.Хан [19] и А.Файнберг [2].

В целом следует отметить, что большинство работ рассматривает специфику конкретных музыкальных направлений в конкретных регионах.

Также существует ряд статей, посвященных проблеме современной исламской музыки в целом, например, работа М.Фришкопфа, в которой автор отмечает, что массовое распространение музыки в сфере медиа-пространства в значительной степени повлияло и на исламский мир, заставив трансформироваться исламскую музыку. Начиная с 1990-х гг. благодаря телевидению и сети Интернет стали распространиться музыкальные записи, в текстах которых помимо религиозного наполнения появились социально-политические темы, волнующие молодежь. Они, как и традиционное исламское мужское песнопение без музыкального сопровождения, назывались «нашидами», при этом, могли сопровождаться музыкой [11]. Дж.Оттербек, фокусируясь на полемике о современной музыке в арабских государствах, в особенности в Саудовской Аравии, Египте, Ливане и Палестине и новых вызовах, которые встают перед исламским миром в связи с распространением современной культуры потребления, новых технологий и источников информации [29].

Задача данной статьи – проследить взаимосвязь современной рок музыки, в первую очередь, *heavy metal*, и новых социальных процессов в исламских регионах, проанализировать феномен исламских *heavy metal* групп, представив их особенности и специфику, показать значение этого музыкального направления для формирования новой религиозной идентичности и его воздействие на общество. Методологически работа опирается на концепцию *heavy metal* как *трансгрессивной практики* (иными словами, стремлению преодолеть музыкальные и немusical границы), выдвинутой К.Кан-Харрисом [18]. Исследователь выделяет три аспекта трансгрессии, присущие музыке *heavy metal*: звуковой, дискурсивный и физический. Звуковая трансгрессия выражается в стремлении выйти за привычные границы звучания, что достигается использованием таких вокальных техник, как гроул и скрим, преобладанием низких звуковых частот, сложными ритмическими рисунками и быстрым темпом [18; р.33]. На дискурсивном уровне трансгрессия проявляется в использовании провокационных и эпатажных названий, текстов, листовок и т.д. На физическом уровне стремление к трансгрессии автор видит в неординарном внешнем облике музыкантов и поклонников *heavy metal*, специфических интенсивных движениях в такт музыке и др. [18; р.34]. Однако представляется, что понятие трансгрессии в *heavy metal* следует расширить, добавив к выделяемым Кан-Харрисом типам также социальную трансгрессию, выраженную в стремлении преодолеть существующие ограничения общества. Представляется правомерным говорить о социальной трансгрессии в контексте стран арабо-мусульманской культуры, так как само существование такого жанра,

как *heavy metal* является выходом за пределы норм традиционного исламского общества.

Прежде всего, следует отметить амбивалентность отношения к музыкальному искусству в целом и пению в частности в исламе. Так, часть улемов считают музыку дозволенной согласно шариату, но только в том случае, если ее содержание не склоняет мусульман к пороку. Такую точку зрения разделяет современный суннитский богослов Ю. аль-Кардави, замечая: «Пение – это не более чем мелодическая речь. Если ее содержание несет благо, значит пение рассматривается как благое действие, если содержание ведет ко злу и греху, пение рассматривается, как запретное». Богослов добавляет, что большинство исламских улемов сходятся во мнении, что пение без музыкального сопровождения разрешено, если его содержание благое [4].

Относительно возможности музыкального сопровождения однозначного мнения в исламском мире нет. Шейх Г. аль-Хак, с 1982г. по 1996г. верховный имама университета Аль-Азхар, издал фетву, согласно которой исполнение музыки не запрещено, если не ведет к греховным вещам, отметив, что в исламе разрешено все, что прямо не запрещено Кораном и Сунной, а свидетельства против музыки в них лишь косвенные [10]. При этом и прямыми свидетельствами, разрешающих музыку в них также нет, кроме хадиса, позволяющего игру на барабанах во время свадебной церемонии: «Объявляйте о своей свадьбе публично игрой на тамбурине». Шейх Г. аль-Хак отмечает, что музыка считается запретной или разрешенной в зависимости от цели ее исполнения. Если цель – отвлечь верующих от молитвы и следованию исламу, то музыка считается греховным деянием. Если цель – отдохнуть и набраться сил для религиозного служения, то слушание музыки становится одобряемым действием [10].

Однако в исламе традиционно достаточно сильны и противоположные позиции. Так, например, канадский богослов А. Билаль Мустафа аль-Канади указывает, что сподвижники пророка, и праведные халифы единогласно выступали за запрет музыки и пения (за исключением определенных случаев). Он приводит хадис, гласящий следующее: «Аль-Байхаки передал, что сподвижник пророка Абдула бин Масуд сказал: «Благодаря пению прорастает лицемерие в сердце, как благодаря дождю прорастают травы и зелень»» [3]. Аналогичное мнение высказывает муфтий М. ибн Адам, глава Института исламской юриспруденции «Дарул Ифтаа», по мнению которого, игра на музыкальных инструментах однозначно запрещена шариатом. Более того, он считает, популярность музыки в современном мире является одной из значительных причин упадка исламского общества [33].

В целом можно сказать, что негативное отношение к музыке характерно для фундаменталистского направления в исламе, которое в настоящее время достаточно влиятельно. В свою очередь, мусульмане-традиционалисты также подчас неодобрительно относятся к музыке, в особенности к современным музыкальным жанрам, считая их несоответствующими нормам исламской нравственности. Подробнее отношение к музыке в исламе рассматривается в целом ряде работ, посвященных как религиозной исламской музыке, [9; p. 60-65; 21; 1-33] так и анализу позиций различных исламских богословов на ее счет [30; 227-233; 6; 1-14; 20]. Как наиболее комплексную работу, прослеживающую всю историю музыки в исламе, можно выделить монографию А.Шилоа [34].

Однако подавляющее большинство исследователей фокусируется именно на вопросах, связанных с пением и музыкой, которые традиционны для различных исламских культур, и не рассматривают современную популярную музыку. Между тем, она активно развивается среди исламской молодежи и увлечение ею часто приобретает форму социального протеста против закостенелости традиционного общества. Данный феномен можно проследить на примере рок-движения в странах Северной Африки и Ближнего Востока, смыслом которого становится борьба за свободу слова, свободу самовыражения, достоинство личности.

Чтобы проанализировать специфику и социальное значение рок-групп в исламских странах, рассмотрим историю и творчество наиболее популярных из них. Так, *Myrath* («наследие») – одна из ведущих групп в жанре *ориентал-метал*, основанная в Тунисе в 2001 г. М. бен Арбийей. Большинство текстов группы – на лирическую тематику, однако есть ряд песен, отражающих социальный протест. К ним относятся такие произведения, как «Believer», «Get your freedom back», «Unburnt», «Time to grow», «Tempests Of Sorrows» и др. [27] Примером может служить следующая цитата: «Сражайтесь каждый день за свободу мысли, восставайте и бунтуйте, пока они не забрали все это» [28]. Э. Бушуша, один из вокалистов команды, отмечает, что, несмотря на то, что Тунис – светское государство, подверженное большому влиянию западной культуры и достаточно либеральное по отношению к рок-музыкантам, быть метал-группой в Тунисе довольно сложно. Этот музыкальный жанр выходит за общепринятые границы, поэтому группы не получают соответствующей спонсорской помощи [17]. При этом, *heavy metal*, по мнению коллектива, может оказать значительное позитивное влияние. Так барабанщик группы С. Лухиби подчеркивает значение музыки как способа межкультурной коммуникации: «Музыка – это то, что объединяет людей независимо от их этнического происхождения или религии, она несет послание любви и мира всем народам. Все металл-группы и их поклонники

разделяют одну и ту же страсть и одни и те же ценности, независимо от того, откуда они родом или какова религия страны их происхождения» [17].

На примере группы *Myrath* можно видеть, что музыкальное творчество в стиле *heavy metal* даже в достаточно либеральной исламской стране представляет собой определенную трансгрессию – выход за пределы традиционных культурных и религиозных рамок. Иными словами, происходит обособление музыкальной культуры в самостоятельную автономную сферу. Помимо группы *Myrath* в Тунисе существует еще пятьдесят шесть групп, исполняющих подобную музыку, большинство из которых появились после 2001 г. [36]. Следует отметить, что метал-группы уделяют мало внимания религиозной тематике, отдавая предпочтение темам социального протеста, в целом характерным для выбранного жанра. К аналогичному выводу приходит М.ЛеВин, распространяя его и на другие регионы арабо-мусульманского мира. Он подчеркивает, что рок-музыка в странах с исламским большинством преимущественно затрагивает социальные проблемы, при этом религиозные вопросы отходят на второй план. На основании многочисленных интервью, исследователь утверждает, что многие исполнители, будучи мусульманами, предпочитают рассматривать религию, как частную сферу, что позволяет площадкам рок-фестивалей предоставлять возможности для объединения людей с различными религиозными и нерелигиозными взглядами [22; p.23]

Однако данный вывод не распространяется на группы, которые в своем творчестве непосредственно касаются религиозных тем, а именно группы жанра *Anti-Islam black metal*, возникшие в первую очередь в государствах, где влияние религии на повседневную жизнь наиболее высоко (Саудовской Аравии, Ираке, Иране, Израиле, Бахрейне и др). Одной из наиболее известных групп этого жанра является *Al-Namrood* («Нимрод») из Саудовской Аравии, созданная в 2008 г. Коллектив существует в стране, где мусульманские законы строго соблюдаются, а музыкальное творчество цензурируется. Несмотря на то, что шариат под страхом смерти запрещает отказ от ислама, группа в своих произведениях пропагандирует антирелигиозные взгляды. В интервью информационному portalу «Niozi» музыкант группы под псевдонимом *Хумбаба* сказал следующее: «Мы никогда не раскрываем свои личности, так что для суда над нами нет достаточных доказательств. Мы просто живем в тени в надежде избежать преследований» [15]. По мнению музыканта, современная Аравия находится в глубоком политическом кризисе, выход из которого возможен только через секуляризм [15]. Творчество *Al-Namrood* – осознанное стремление музыкантов преодолеть социальное давление, добиться творческой свободы.

Еще одна группа антиисламской направленности – *Seeds of Iblis*. Очевидно, что Иблис в исламской мифологии – имя антагониста Бога. О группе доступно мало информации, что вероятно связано с вопросами безопасности музыкантов. По данным музыкальных ресурсов, группа, вероятнее всего, имеет иракское происхождение и состоит из четырех музыкантов, двое из которых – женщины [32]. В 2011 г. *Seeds of Iblis* выпустила сингл «Джихад против ислама», затем в 2012 г. вышла композиция «Черный Коран». В 2013 г. был выпущен альбом «Антикоранические ритуалы», который заканчивался произведением «Аллах мертв» [32]. Достаточно взглянуть на сами названия, чтобы оценить степень провокационности коллектива. Конечно, подобные антирелигиозные позиции в целом характерны для творчества команд в стиле *black metal*, который изначально возник, как антихристианский, [24; 1; p.191-206] а в мусульманских регионах приобрел антиисламскую направленность. Творчество группы направлено на десакрализацию исламских ценностей, преодоление давления традиционного религиозного общества, что согласуется с концепцией музыки в жанре *metal* как социальной трансгрессии. Интересно отметить, что сами музыканты не стремятся пропагандировать идеи «сатанизма». Бас-гитарист группы утверждает: «Мы не сатанисты, мы против любой религии, мы против убийства людей на почве личных убеждений» [14]. Антирелигиозную тематику затрагивают также такие группы, как *Halla* (Иран), *Narjahanam* (Бахрейн), *Ayat* (Бейрут), *Janaza* (Ирак), *False Allah* (Бахрейн), *Mosque of Satan* (Ливан).

В связи с политической нестабильностью Ближнего Востока, актуальными в музыкальном творчестве региона, в том числе, в жанре *metal*, оказываются темы единства и разобщенности. Музыканты, пусть используя достаточно провокационные тексты, стремятся указать на единство культур и необходимость сотрудничества, что нашло отражение в творчестве одной из наиболее популярных групп региона – *Orphened land* («Осиротевшая земля»), созданной в 1991 г. в Израиле. Группа исполняет песни на арабском языке, в текстах использует сюжеты исламской мифологии и пользуется популярностью среди арабской молодежи [8]. Основная проблема, которую поднимают музыканты в своих произведениях, – конфликт между Израилем и Палестиной. Например, в 2013 г. группа выпустила альбом под названием «All is one» (Все едино), посвященный единству авраамических религий. Текст одноименной песни гласит: «Вооруженные силы снова проливают кровь на священные пески, снова и снова мы не видим, что все едино. <...> Из ближневосточной земли мы поднялись, все – дети Авраама» [5]. Как отмечается вокалист группы К.Фархи, послание, которое музыканты стремятся донести,

STUDIA CULTURAE
ТОМ 2, № 36 2018

- ББК 87 Studia Culturae. 2 (36) 2018. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2018. – 169 с.
- S 60 В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Г. Соколов

МАКЕТ

Ю.М. Мальцева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

Подписано в печать 29/06/2018

wells
simkin